2) в период написания первой духовной Дмитрий находится в конфликте с серпуховским князем Владимиром Андреевичем. Есть вполне определенные данные, что в промежутке между 1372 и началом 1378 г. между Владимиром Храбрым и Дмитрием Донским имели место трения по поводу «корма»[5] за верную службу удельного вотчича. Требования Владимира поддержал митрополит Алексий, «бивший челом» о пожаловании его Боровском и Лужей. Сам же конфликт имел место в 1377 г., о чем косвенно свидетельствует факт отстранения Владимира от военных операций великого князя данного года. Именно в этот период он был устранен от подготовки первой духовной Дмитрия Донского;

3) важным для датировки является акцентированный В. А. Кучкиным факт отсутствия среди свидетелей одного из лидеров аристократического окружения Дмитрия Донского — князя-гедиминовича Д. М. Боброка-Волынского. Служилый князь возглавлял московскую рать не только в важном походе на Рязань в конце 1371 г., но и на болгар в начале 1377 г. Для датировки первой духовной грамоты Дмитрия Донского существенно важен факт его отсутствия в Москве во время похода на болгар в феврале — начале апреля 1377 г. Этим промежутком и надо датировать первое завещание Дмитрия Донского.

Великий князь составлял свое завещание со своими боярами, т. е. с ближайшим окружением. Однако без признания ее двоюродным братом (становившимся после смерти Дмитрия старшим в роде) и митрополитом Алексием духовная была не вполне легитимной. Очевидно, текст ее был предъявлен митрополиту для свидетельствования, но тот предложил сначала примириться с Владимиром Храбрым и дать ему «корм» за верную службу. После этого двоюродные братья составили «договорную запись»[6], а митрополит, наконец, «печать свою привесил» и утвердил завещание.

[5] *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв. М., 2008. С. 84–85.
[6] См. о ней: Там же. С. 84–85.

А. В. Майоров (Санкт-Петербург)

АПОФЕОЗ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА

Дошедший до нас текст Галицко-Волынской летописи открывается пышным посмертным панегириком князю Роману Мстиславичу, сохранившимся в виде фрагмента: «оустремил бо ся бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и гоубяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бе яко и тоуръ»[1].

Каково было происхождение и символический смысл столь образной и неординарной характеристики героя? Давно отмечено, что составители Галицко-Волынской летописи использовали широкий круг произведений переводной византийской литературы, в том числе и древнерусский перевод Александрии — популярного греческого романа, посвященного жизнеописанию царя Александра Македонского[2].

Уподобление Романа орлу и льву находит многочисленные параллели в текстах древнерусского перевода романа об Александре первой редакции. Внешнее сходство со львом проявляется в самом облике Александра и всячески подчеркивается в его описаниях автором Александрии. Отметим, что в текстах древнерусского перевода романа можно найти и прямое уподобление Александра Македонского льву и рыси в описаниях его победоносных походов на восточные страны и города. Образ орла в Александрии также появляется уже в сценах, связанных с описанием рождения Александра, и всю жизнь сопровождает

[1] ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 716.
[2] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // ИОРЯС. Л., 1926. Т. XXXI. Кн. 1. С. 106, 115–117.

царя, будучи изображенным, например, на шлеме, подаренном ему царицей Кандакией. Орел возникает и в момент смерти великого правителя. Очевидно, что образ истребляющего половцев крокодила составителем летописного панегирика Роману был заимствован из рассказа о брахмане, где повествуется о посещении Александром чудесной страны, населенной «блаженными» людьми, в реках которой обитало страшное и непобедимое чудовище крокодил, «егоже всякъ звѣрь боится»[3].

С XII в. образ Александра Македонского находит воплощение в памятниках древнерусского искусства, где особое значение получает сюжет Вознесения (полета) Александра на небо. Его можно видеть на белокаменных рельефах, украшающих главные храмы Владимиро-Суздальской Руси — Успенский и Дмитровский соборы во Владимире, а также Георгиевский собор в Юрьеве-Польском[4]. В качестве ближайшей иконографической параллели композиции владимирских рельефов исследователи указывают изображение Вознесения Александра на золотой диадеме из Сахновского клада, созданной в первой половине — середине XII в. и, очевидно, принадлежавшей киевскому великому князю[5]. Вся античная концепция романа об Александре сводилась к идее апофеоза власти. Этой идее подчинен и эпизод вознесения, выражающий ее самым наглядным образом. Использование такого сюжета на золотых инсигниях киевского великого князя, а также в монументальной пластике владимиро-суздальских храмов — это, несомненно, попытка перенести идею апофеоза власти на русскую почву — уподобления сильнейших русских князей Богу в духе античной и византийской традиции. Очевидно, что уподобление Романа Мстиславича Александру Македонскому, читающееся в символике метафор летописного панегирика князю, имело тот же смысл, что и обращение к образу Александра в других землях Руси. Апофеоз Романа Мстиславича отчетливо слышится в сравнении его с орлом, преодолевающим всю половецкую землю. Роман изображается здесь подобным Александру, летавшему по небу на чудесных птицах — орлах и грифонах. Идея апофеоза соединяется с идеей триумфа, устраиваемого римским и византийским императорам по случаю их военных побед. Апофеоз — кульминационная стадия триумфа в идеологическом и церемониальном значениях, он использовался для возвеличивания и обожествления императора. Роман Мстиславич восхваляется в летописи как триумфатор, победивший главных врагов Руси — половцев. Летописец сравнивает Романа с его славным предком Владимиром Мономахом, а половцев — с «измаилтянами», извечными врагами христианского мира. Соотнесение половцев с «измаилтянами» в летописной похвале Роману также имеет целью уподобление князя Александру Великому. В Повести временных лет под 1096 г. читается заимствованная из Откровения Мефодия Патарского и заново переосмысленная русским книжником легенда о том, как царь Александр запечатал в горах «сынов Измаиловых», в том числе и половцев. С приходом «конца времен» эти «нечистые» народы вырвутся на свободу и погубят весь мир. Своими подвигами Роман, как прежде Александр Великий, как бы предотвратил ожидаемое наступление конца света, пророчески связываемое с нашествием «измаилтян».

[3] *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. М., 1893. Прил. I. С. 12, 13, 53, 103–104, 106 и след.
[4] *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. XII век: Владимир, Боголюбово. М., 1969. С. 110–112, 260.
[5] *Бочаров Г. Н.* Художественный металл Древней Руси. X — начало XIII вв. М., 1984. С. 55, 66–67.